

БЛОКАДНЫЕ ЗАПИСИ И. А. ГРИНЕВСКОЙ

(Публикация Е. В. Виноградовой)

В письме Л. Б. Модзалевскому от 8 янв. 1944 г. из блокадного Ленинграда в Казань В. А. Мануйлов сообщает, что можно купить за 1000 рублей архив Изабеллы Гриневской. «Архив, конечно, стоит гораздо больше. Гриневская утверждает, что там есть письма Льва Толстого». ¹ Архив действительно стоил дороже: прочитав записи И. А. Гриневской, сделанные во время блокады, можно понять, какой ценой досталось писательнице это право – сохранить свой архив в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Изабелла Аркадьевна Гриневская (урожд. Фрейдберг) – поэт, прозаик, переводчик – родилась в 1864 г. в г. Сувалки (Suwalki, Польша). Она получила хорошее образование дома, знала несколько европейских языков; уже в 15 лет она выступала в Петербурге с благотворительным концертом в помощь бывшим воспитанникам коммерческих училищ. В 1880-х гг. закончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, в это же время вышла замуж за А. К. Гриневского, беллетриста и публициста. Первыми публикациями Гриневской стали ее переводы с французского, итальянского, польского и др. языков; в 1896 г. ее пьеса «Первая гроза» была поставлена на сцене Александринского театра, а стихи и проза публиковались в различных периодических изданиях Петербурга. ² Ею был также написан ряд статей по итальянской и польской литературе для «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, статья «Кого любит Софья Павловна?» в сб. «Ежемесячные сочинения» (1901. Т. VI. № 11. С. 209–221), посвященная образу грибоедовской Софьи.

¹ РО ИРЛИ, ф. 187, научно-техническая обработка фонда не завершена. *Модзалевский Лев Борисович* – зав. РО ИРЛИ с авг. 1943 г.; *Мануйлов Виктор Андроникович* – уполномоченный Президиума АН СССР по ИРЛИ, отв. хранитель неэвакуированной части фондов института с 1942 по 1944 г.

² «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Новое время», «Вестник Европы», «Театр и искусство», «Женщина» и др.

Самую большую известность, особенно в демократических кругах, принесли писательнице ее пьесы в стихах «Баб»³ (СПб., 1903 и 1916 – 2-е изд.) и «Беха-Улла»⁴ (СПб., 1912), в основу которых были положены реальные события – борьба за независимость в Персии и зарождение новой мировой религии – бехаи. Начав работу над пьесой «Баб», Гриневская сама оказалась под влиянием учения бехаи (или, в современной орфографии, бахаи) и стала его последовательницей, изучая труды историков и востоковедов. Л. Н. Толстой, который тоже интересовался учением Баба и Беха-Уллы, одобрительно отозвался о пьесе «Баб» в своем письме к Гриневской 22 окт. 1903 г.

В 1910 г. Изабелла Аркадьевна в качестве паломницы бехаи отправилась в долгое путешествие в страны Ближнего Востока, и в окрестностях Александрии ей удалось встретиться и говорить с Абдул-Беха, сыном и духовным наследником Беха-Уллы. Путешествуя по Востоку, она вела путевой дневник. Этот очерк «Путешествие в Край Солнца» был закончен в 1914 г., но так и не был полностью опубликован; выдержки из него были прочитаны в виде докладов в Обществе ориенталистов и в Обществе ревнителей истории.

Гриневская всегда занимала активную гражданскую позицию: писала статьи о польском и еврейском вопросах, о феминизме, о семье, о вере; в начале Первой мировой войны организовывала литературно-музыкальные вечера в Петербурге и Москве, средства от которых передавались на лечение раненых и семьям погибших; переписывалась с известными общественными деятелями, писателями, артистами. После революции 1917 г. писательница осталась в Петрограде. Она занималась переводами для издательства «Всемирная литература», преподавала сценическое мастерство и декламацию в разных студиях, писала пьесы, выступала с лекциями и докладами в различных учреждениях; в предвоенные годы не работала, получая маленькую пенсию от Академии наук по секции научных работников.

Причину своего решения остаться в блокадном городе Гриневская объяснила в своем письме к академику И. Ю. Крачковскому от 8 янв. 1942 г.: «В начале войны Лит<ературный> фонд предложил

³ *Баб* (1819 или 1820–1850) – основатель и пророк религии бабидов в Иране; был публично расстрелян по приказу визиря Мирзы Таги Хана.

⁴ *Беха-Улла* (или Бахаулла) – один из первых в Иране последователей веры Баби, провозглашенной Бабом; объявил себя той самой личностью, о которой пророчествовал Баб. Им написаны «Наисвятая книга», богословский трактат «Книга несомненно-сти» и др. произведения религиозного характера.

мне эвакуироваться из Ленинграда куда-то далеко. Я отказалась принять это предложение, ибо я знала, что не перенесу эту поездку. А главное, я не смогла бы взять с собою массу моих неизданных сочинений, давно написанных, и множество рукописей последних лет, отчасти требующих тщательного просмотра, которые я считаю обязательным долгом моим сохранить для будущего. Для сохранения их-то я и цепляюсь за жизнь».⁵ И. А. Гринева всегда была очень смелым человеком и умела преодолевать трудности, вероятно, на этот раз она решила, что справится, и оказалась права: ей удалось пережить блокаду. Она умерла в 1944 г., после того как лично передала в Пушкинский Дом свой архив.⁶

В годы блокады Гринева не вела дневника в классическом понимании этого слова, т. е. изо дня в день – вероятно, не позволило здоровье: перед войной она перенесла операцию на глаза, которая спасла ее от слепоты. Она произвольно делала записи одновременно в трех тонких (школьных) тетрадях, условно названных нами «Тетрадь 1», «Тетрадь 2» (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 62), «Тетрадь 3», так называемая «расходная» (Там же, № 61). Тетради начали использоваться еще до войны. Они включают записи хозяйственно-финансового характера, списки произведений, тексты довоенных стихов, адреса знакомых. В этих тетрадях остались чистые страницы, которые Гринева заполняла в блокадные дни, так как бумаги не было. При этом рассуждения или бытовые записи писательницы перемежаются с ее новыми стихами; почти каждая блокадная запись отмечена датой. Самая ранняя запись в тетрадях отмечена августом 1941 г., последняя – 5 мая 1942 г. Сохранились также блокадные документы на отдельных листах, начатые в тетрадях: черновик одного письма к П. С. Попкову (председателю Ленгорсовета) и несколько вариантов – А. А. Жданову, один переписан набело и перепечатан на машинке; варианты завещания И. А. Гринева 1941–1942 гг. (последний датирован 25 апр. 1942 г.) и обращение в правление Союза писателей в мае 1942 г. Полный текст письма Жданову, которое представляется нам наиболее интересным, дается в примечаниях.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 66, л. 86–86 об.

⁶ В биографическом словаре «Русские писатели» (М., 1992. Т. 2. С. 45) указывается другая дата смерти Гринева – 1942 г., но в ходе работы над ее архивом удалось установить, что писательница умерла в промежутке с 6 февр. по 11 нояб. 1944 г. (см.: *Виноградова Е. В.* Гринева Изабелла Аркадьевна. Фонд 55 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 1103).

Публикуемые записи Гриневской, относящиеся к блокадному времени, выбраны из трех тетрадей. Текст выстроен публикатором по хронологии, с указанием тетради и номера листа.

Орфография И. А. Гриневской исправлена в соответствии с современными правилами, сокращения раскрыты в угловых скобках; поясняющий текст публикатора дан в угловых скобках курсивом.

1941

<Тетрадь I>

Л. 3 об.-4 об.

ПРЕСТУПНИК

В мире человек родился
В самый скоротечный миг.
Лишь его раздался крик,
Тут же суд над ним свершился:
К смертной казни присудился.
А за что? Он не постиг.

И на смерть тут осужденный,
Он у матки грудь сосал.
Спал иль пальцами играл
Так он рос... Неугомонный,
Жизнью только увлеченный,
Бегал взапуски, скакал!

Вот он отрок. Игры, школы.
Непонятлив иль смышлен,
Школьный путь проходит он.
Радости пути, уколы,
Возвышения и доли
Промелькнули, точно сон.

Но до старости глубокой
Семьянин он, одинок,
Радости ль приносит рок,
Рвет ли горе из истока,

Павший ль он, парит высоко –
Суд свершился зол, жесток!
С колыбели шаг за шагом,
Будь он низок иль велик –
Неотступно стан и лик
Смерти в виде страшном, нагом
С ним иль сзади, или рядом
В каждый, каждый жизни миг.

До поры, пока судьбою
Казнь назначена свершить,
Жизнь рожденного скосить
Беспощадною рукою
Иль манерою другою
Рвать ее немедля нить...
Проходящие пред нами
В одиночку иль гурьбой –
Будь обласканы судьбой,
Как преступники, мы сами –
С мглой закрытыми очами –
Все идем мы на убой.

За какие преступленья
Все на смерть осуждены?
Мы ль на то сотворены,
Чтобы с самого рожденья
Несть печати осужденья,
Кару несть и без вины.

1 августа 1941 г.

Л. 5–5 об.

26 сентября. Я иду в штаб, чтобы поговорить с пом<ощником> начальника И. Н. Богдановым по поводу несчастного случая в моей квартире. Поворачиваю на Колокольную улицу. Яркое солнце засветило мне в лицо и ослепило меня. Я вхожу в комнату. Хотя на двух стол<ах> стоят зажженные лампы – но я ничего не вижу. Так как на мой вопрос мне отвечают, что нужного мне лица нет, и я хочу его подождать – мне предлагают сесть на скамью. Ни лиц говорящих не вижу, ни скамьи. Какой-то гражданин меня берет за руку и усаживает.

Только просидев 10 минут или даже 1/4 часа, я стала разбираться, что делается вокруг, довольно отчетливо. На одном столе женщина, лицо которой мне стало ясно видно, записывала что-то и отдавала записанное ряду стоявших у стола граждан. А против меня за столом сидели две особы: одна молодая девушка и другая молодящаяся женщина. Первая писала, а вторая так сидела и некоторым подходившим что-то отвечала. Все я стала ясно видеть.

И вот это столь обычное всем явление, что после сильного света малый свет не сразу действует на зрение, а к нему надо некоторым образом привыкать, чтобы видеть окружающее, меня навело на мысль, что те люди, умы которых освещаются большим светом высоких мыслей и пребывающих долго в области того сильного света, когда они переходят в зону малого света обыденной жизни, они ничего не видят, только после долгого пребывания в ней начинают разбираться в окружающем. Вот почему большие ученые, вообще умы высшего порядка слепы в практике жизни. Но зато если они наконец разберут в ней кое-что, то они в этом кое-что видят то новое, чего обычно глядящие на это «кое-что» – не видят.

Л. 6–6 об.
28 сент.

ПОЧТИ БЫЛЬ. РАССКАЗ О.З.Ж.С.

Володя 7 лет был вун и хвастунишка.
Переживаем дни мы страшные войны,
Бесхлебицы, а он, мальчишка,
Так хвастал на дворе: «Пекли у нас блины».
А дети тут: «Блины? Муку где взяли?».
– А очередь за чем?
– Да, мы на днях стояли.
Мамаша мне печет блины, а я, я ел!
Рассказы слышал он о разных там снарядах.
Володя захотел снарядами хвастнуть.
– Дотронулся я до снаряда чуть,
А он и разорвись. Пошли осколки.
– А где же видел ты снаряд?
– А дяденька принес. И мамочка на полку
Его запрятала. – На полку? А? Снаряд?
– Лопочешь зря, без толку.
– Нет, правда, было то три дня назад.

И о снаряде слух разнесся по квартирам.
«Снаряды прячутся, едят блины,
Когда над миром,
Над городом родной страны
Висит гроза военной непогоды,
Когда народы
Все стонут под пятой
Фашизма подлого». В квартире той
Пришлось что пережить родителям мальчишки,
Вруна и хвастуна,
О том
Нам говорить не надо.
Потом
Снаряда,
Конечно, не нашли
И не в пыли
Углов и не на полке,
И что напрасны были толки
И о блинах.
Муки и не было в шкафах.
Когда же оказалось,
Что обо всем Володя хвастал, врал,
Ему, конечно, многое досталось,
Отец, как говорят, кнутом его стегал
За лживость в наказанье.
Какое же отсель выходит назиданье?
Не хвастай и не ври:
Будь скромн, нехвастлив, лишь правду говори.¹

Л. 7–8

Из области совпадений. Сон Марии Степановны.²

26 сентября, кажется.

«Пришли в такое учреждение, где начали всем давать бумаги, а еврей берет бумаги и не дает русским и рвет эти бумаги. А я думаю: сейчас приду и скажу Из<абелле> Ар<кадьевне>, что он это делает!!». Она рассказывает мне этот сон, в то время как я одеваюсь, чтобы пойти вместе с нею в штаб к Богданову (на углу Колокольной и Нахимсона № 18/2).³

Спускаясь с лестницы, мы еще говорим о странном сне. Выходим из ворот. У ворот сидит на дежурстве гражданин Гинзбург (еврей), который рассказывает мне следующее: «Я сижу в газоубежище, где я по состоянию здоровья имею право быть (и по определению врачей), а Класс⁴ гонит меня вон. Я говорю ей: я не пойду, я вправе иметь допуск до газоубежища и буду в часы тревоги всегда сюда заходить, тем более что оно под моей лестницей. Сказав ей это, я выхожу из убежища и поднимаюсь на лестницу, а Класс вслед мне кричит уборщице Михайловой: „Не пускай его, слышишь? Проклятые жида, их давно пора укокошить“. Я подал прокурору. Что вы скажете на это? Вызвали Михайлову, но она не явилась». Что же можно сказать на это, на это нет слов, ответила я.

Мы торопились поспеть в штаб, чтобы застать Богданова. Приходим. Говорят: он ушел, сейчас, верно, придет. Мар<ия> Ст<епа<новна> пошла стоять в очереди за сыром, растянувшейся вдоль всей Колокольной, а я решила подождать и села у дежурившей из нашего жакта барышни, по случайному стечению обстоятельств тоже еврейки. Не успела я сесть, как заговорило радио: сообщают статью, в этот день напечатанную в «Ленинградской правде», где же именно говорится об антисемитизме и вреде его для государства, особенно именно в такое время, когда требуется дружное единение народов. В статье этой определяются антисемиты как агенты фашизма.⁵

Я внимательно выслушала статью и просила барышню записать ее заглавие на клочке бумаги. Возвращаюсь домой. Во дворе встречаю опять Гинзбурга, очевидно, кончившего свое дежурство и идущего из жакта к себе домой. Мы остановились. Я говорю: «Вот странное стечение обстоятельств: сейчас по радио читали статью из „Ленинградской правды“ по антисемитизму», – и я передаю ему записочку с заглавием этой статьи, написанную по моей просьбе дежурившей барышней. В это время мимо нас прошла с кем-то произнесшая типичную антисемитскую фразу...

В моих трудах ярко изображено гибельное значение для человечества взаимной вражды народов, и тут не приходится об этом повторять. Привожу этот инцидент только как один из многих, даже мною отмеченных случаев странных совпадений.

Предисловие к приснившемуся сну и описание сна
31 декабря 1941 г.

В час пошла в жакт за карточками. Их еще не было. Думаю, поговорю по телефону с Ю. К. Она не подошла. <1 слово нрзб.> Хочу поговорить с Литфондом. Мне помогает милая барышня. Прошу ее узнать № Литфонда. Она меня связывает. Говорю с Нат<альей?> Ив<ановой>⁶. Кончив разговор, я благодарю девицу за содействие и прошу записать телефон, хотя я и так запомню. Девица на это: – Я знаю, какая у вас память хорошая. – Почему вы это знаете? Вы моя знакомая? Повернитесь к свету, чтобы я на вас посмотрела. – Да вы меня не знаете, а я вас хорошо знаю, встречала вас, и приходится часто говорить о вас с разными людьми о ваших произведениях. – Вот что! Рада. Ваша фамилия? – Смородина. Живу в Дмитровском перелуке, 13! – Это дом, который пострадал? – Да.

Прощаюсь с нею ласково. «Кланяйтесь тем, кто помнит меня». Ухожу из темного жакта несколько взволнованная. Думаю: все-таки помнят меня, не забыта. Читают, может быть, в эти грозные дни войны мои миротворческие сочинения. Прихожу домой и записываю те строки, которые я задумала еще ночью, а именно вроде письма к правителям воюющих стран по-английски, написанного мною год назад к 4-м воевавшим странам.

На этот раз я записала следующее:

Enough gentlemen!
Make peace together.
Take pity
To millions present and future
of folks
to whom your very aims and reasons
of your shamful fights are for nothing.⁷

Записав эти строки, это было в 4 ч., верно, я легла на постель, укуталась в шубе и заснула. Крепко, видно, заснула, и мне привиделся такой сон. Перед каким-то алтарем, будто в храме, спиной ко мне стоит человек в восточном обл<ачении>, с длинными волосами, как рисуют Христа или как играли Баба, и как на портрете Беха-Улла или Абдул-Беха, высокий, стройный, и торжественно произносит, как бы

обращаясь к находящемуся вне здания народу: «Войдите, войдите все до единого! Войдите!» (как у меня написано в «Беха-Улла», в акте, где он зовет все народы в Храм природы). А я стою и сильно плачу, как я много лет не плакала, чувствуя, что этот человек именно призывает в это место все народы. Разбудила меня Марья Степановна. Вот кушайте обед. Проснулась сильно взволнованная, и мне казалось, все еще в слезах. Проснулась в 3 часа. А несколько дней перед тем мне снился Абдул-Беха, который сильно плакал. Я на другой день объяснила этот сон так: мне, верно, грозила опасность, и он плакал по этому поводу.

Л. 28–30

В первые годы голода и разрухи, когда жители простаивали часами за продуктами в магазинах и даже кооперативах, я написала статью в газете о вреде этого явления для государства. Статья вышла под названием «Хвосты».⁸ Напечатав статью и пояснив причины, по которым они создались, я пригласила к себе уполномоченных Владимирской ул. (пр. Нахимсона) и предложила им создать кооператив исключительно для нашей улицы. Созванные отнеслись с одобрением к моему предложению и выбрали меня даже председателем. Я отказалась от этой чести и предложила избрать председателем знатока торгового дела, я же взяла на себя содействие в самом распорядке.

И действительно, благодаря предложенному мною порядку, который годился бы и теперь, хвосты у нас в кооперативе исчезли, о чем я напечатала в шуточной форме в газете, назвав статью «Наш хвост». Все жители нашей улицы были в восторге и с большой благодарностью отнеслись к инициаторше этого дела и к его участникам. Я тогда не раз думала, что следовало просить от правителей нашего дома, да и других домов нашей улицы, официальное проявление благодарности к нашей деятельности, но... было не до того.⁹

Вот теперь, когда я, беспомощная, лежу в постели, это было бы кстати. Может быть, это вынудило бы членов правления нашего домхоза оказать мне хотя бы маленькую помощь. Между тем ничего. Вот, лежа в постели, я думаю о нынешних наших деятелях, и думаю о их будущем, и считаю нужным предложить следующий порядок в домах: все даровые работники домов на общую пользу должны быть зарегистрированы в особую книгу. Неужели, например, очищавшие грязь наших дворов в случае болезни или нужды <не могут> встретить помощь со стороны правления в настоящем и даже далеком будущем, и неужели они должны быть лишены всякого внимания и покинуты, как я.

Я бы предложила привлечь к соответствующей работе и детей даже от 7-летнего возраста. Это отвлекло бы их от вредных шалостей, и эти дети должны быть внесены в книгу, и их деятельность должна быть характерно отмечена. Об этом я могла бы сказать еще многое, и об этом следует еще многое сказать.

Л. 32–33

<Письмо А. А. Жданову>

Послано.¹⁰

Глубокоуважаемый и дорогой Андрей Александрович. Посланный вами ко мне гражданин после долгожданной вести об исполнении обещанного мне растрогал меня до слез. Я знала, что Вы не <забыли> меня и не можете забыть моих трудов и протянете мне руку. Первое проявление участия ко мне, полученное из <1 слово нрзб.>, было, как я узнаю, тоже по Вашему внушению. И мне этого никогда не забыть. Теперь я жду эту главную помощь, без которой мне не прожить долго. В одном из последних моих стихотворений, в кот<ором> я пишу о себе самой, сказано:

«Что в старости моей мне рок пошлет?
От голода лишь смерти злой угрозы.
Вот моего пути бесславнейший конец».

Глуб<окоуважаемый> и дорогой Анд<рей> Ал<ександрович> <нрзб. несколько слов> и кончатъ свою жизнь в ожидании смерти от голода без всякого участия со стороны <работавших> на моих путях, что я должна чувствовать при том, лишенная возможности двигаться вследствие падения от слабости!! Я пишу в один союз: я работаю на моих поприщах около 30 лет, и только этот факт, помимо значения моих трудов, должен обязывать моих товарищей к существенному участию к такому труженику, а между тем ничего! Я живу рядом со столовой, <принимающей> моих сочленов (пр. Нахимсона, 12), где в свое время игрались тоже мои пьесы, а меня оставляют в ожидании бесславного конца. И я прошу Вас внушить моим товарищам, которые, быть может, захотят мне <помочь>, не медлить. И я призываю к Вам внушить лицу, которому Вы, дорогой Андр<ей> Ал<ександрович>, назначили занятие делом помощи мне, не очень медлить, чтобы дать мне возможность восстановить мне силы, но уже Ваше заботливое проявление участия Вашего ко мне посылкой ко мне доброго человека уже много сделало для состояния моего духа и здоровья, конечно, и как Вас благодарить...

Л. 38

С покорнейшей просьбой секретариату по прочтении этого письма запечатать, отослать его адресату в Иран, в Тегеран. С глубоким почтением И. Гриневская. Ленинград, пр. Нахимсона, д. 10, кв. 32. 17 декабря 1941 г.¹¹

Л. 38 об.

Христианские кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном судилище у Господа проси.

О мире всего мира, о благосостоянии святых божиих церквей, о соединении всех господу помолимся.

О <благорастворении> воздуха, об изобилии плодов земных и времени мирном господу помолимся.¹²

Л. 41 об.-42

О Господи, мольбе моей внимли,
Услышь меня, о Господи, о Бог всеблагий
Спаси народы все твоей земли,
Внуши им силу мощную отваги
Не воевать! Внемли моей мольбе
О мире благостном, довольно горя,
Кому же взнести мольбы, как не тебе,
Пусть отшатнется прочь то крови море,
Что заливают мир широкий твой.
О Боже, гибнут все народы!
Уйми их лютый гнев, нещадный, огневой!
Как горы, падают на них невзгоды
И беды грозные за их грехи...
Прости им, Боже, прегрешенье,
Что были к зову твоему глухи,
Имей к народам сожаленье
Твоих детей, о Боже, пожалей!
Отринь от них твои ты кары
Как от неведущих детей.
И молодой, и старый
Пусть будет вразумлен.
Пошли им мир, терпенье,
Смири их, Господи! Услышь мое моление,
Услышь мой скорбный плач
О людях гибнущих, мой Боже!

<Тетрадь 3>

Л. 31

1941. Октябрь. (Прежних 300) В кассе 30 р. Пенсия 250
На книжку 170

Всего 470 р.¹³

<...> Хлеб – 45, курица – 260, масло – 125, масло – 140, хлеб – 50.

Мальчикам за дрова 400

14-го Сахар, конфеты, <корешки > 2,20 к.

Вермишель – 100, сыр – 350, хлеб – 50; 20, 21, 22, 23 цикория 300

Мясо – 420, хлеб – 100, **бедным – 50** (выделено нами. – Е. В.),
продукты – 500, тарелки – 560, за вставку окна 17.30, лекарства 460,
курица 420, хлеб 100, лекарство 300.

Л. 31 об.

Ноябрь.

<...> вино 1230, мясо 450, хлеб 45, за бомбоубежище 200, элек-
тричество 400, масло 500, баня 220, хлеб 100, конфеты 300, бобы 250/
1770 меланж 150/ 19.20

Хлеб 1.00 Шпроты 700, конфеты и сахар 360, свечи 240 / 14.00. <...>

Л. 32.

Декабрь 1941

Бедной 40, квартира 15, хлеб 560, конф<еты > 574, 13 мясо 5,60.

квартира 15 карточки хлеб 40 мясо 4 М.С. 100 р.

23 (декабря. – Е. В.) хлеб 125 гр, 24 хлеб 200, 25 хлеб 200, 26
хлеб – 200 гр.

1942

<Тетрадь 1>

Л. 8 об.– 9

1942 г.

В ХРАМЕ

Пошла я в храм. Сквозь сумрак туч

Светила дня последний луч

Пробился вдруг и осветил

И плиты древних двух могил,

И лики темные святых

В блестящих ризах золотых.

Святые те глядят на нас,
Суров их взгляд, но в поздний час,
Когда потушены огни
И смолкнет все, тогда они
Благого Господа за нас
Со скорбью молят в поздний час.

Когда потушены огни,
Со скорбью молятся они:
О Боже, ты детей твоих
За вздох о бедствиях чужих,
За шаг к добру, за миг любви,
За это их благослови!

За вздох о бедствиях чужих,
Когда не счесть и бед своих,
Когда из ада злобный дух
Смущает ум, и взор, и слух,
Им прегрешения прости,
Открой им благодати пути.

Открой им благодати пути,
Чтоб легче жизнь было нести,
Спаси от зол, спаси от бед,
Дай разумения им свет,
Дай чувства жаркие в мольбе,
Что носятся, Господь, к Тебе.

Дай чувства жаркие в мольбе
Поникших в горестной борьбе,
Обиженных судьбой сердец,
Услышь ее, благой Творец!
Мольбе детей твоей земли
Внемли, о Господи, внемли.

Л. 10 (лист из блокнота вложен между л. 9 и 11)

В нашем жакте одно газоубежище и два бомбоубежища, предназначенные для 3-х домов. Несмотря на изданный приказ, опубликованный в газетах об отоплении этих убежищ, они в течение последних 2-х месяцев не отапливаются. За неимением дров и при первой

воздушной тревоге жители этих домов от стариков до грудных младенцев погибли не от фашистских снарядов, а от губительной сырости и холода. Я, как недавно назначенный управхозом этого дома, считаю долгом об этом заявить, чтобы снять с себя ответственность и за упущения, создавшиеся до сих пор. Но, чтобы не быть ответственной в дальнейшем, настоятельно прошу отпустить мне нужные для жакта дрова. Дорогой товарищ. Не могу сейчас прийти, и я передаю Марии Степановне для регистрации моих продуктовых карточек.

И. Гриневская
19 января 1942
пр. Нахимсона д. 10 кв. 32.

Л. 9 об. –11

Февраль 1942 г.

ОТРЫВОК ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ (БИБЛИИ)

От бедствий этих дней застыли в нас умы.
О, Боже Правый!
И кто из нас силен и здравый –
От холода, и голода, и тьмы
Все ж падает, как лист осеннею порой.
О Господи, иль это новый мира строй,
Иль Ты решил те снести с лица земли народы,
Что отошли от праведных путей
И, путаясь средь адских злых сетей,
Отвергли Своды
Законов мировых
Твоих святых?
И наш такой народ: в желаньи лучшей жизни
Он в собственной отчизне
С братьями завел жестокою борьбу
За власть, за первенство, за достоянье,
Губя противников без меры, состраданья,
Маня лишь для себя светлейшую судьбу,
Стремясь внушить о ней заманчиво идею
Народам всем другим.

И вот
Кровь братьев страждавших днесь громко вопиет!
И беды эти все-то Божье наказание
Народам будущим в науку, в назиданье,
Но...Боже, Наш Творец,
Ты удержи карающую руку
Страданиям, грядущему в науку
Ты положи конец,
Карай Ты лиходеев,
Которые, борьбу с собратьями затеяв,
Не кончили ее для блага всей страны
Затем, что были им нужны
Своекорыстные лишь цели,
О благе всех они лишь песни пели,
В которых фальшь и ложь,
Цена которым грош.

Л. 11 об.-12

ЕЩЕ МОЛИТВА О НАРОДАХ

О Господи, мольбе моей внемли,
Услышь меня, о Бог всеблагий,
Спаси народы все Твоей земли,
Внуши им силу мощную отваги.

Не воевать! Внемли моей мольбе
О мире благостном. Довольно горя.
Кому же взнести мольбы, как не Тебе!
Пусть отшатнется прочь то крови море
Что заливают мир широкий Твой!

О Боже, гибнут все народы.
Уйми их лютый гнев нещадный огневой!
<...>

И молодой, и старый
Пусть будет вразумлен.
Смири их, Господи, услышь мое моление
И сердца моего мой скорбный стон
О людях гибнущих. Они Твое творенье.
Спаси их, Боже мой!

Л. 12 об.–13
18 февраля 1942 г.

ЕЩЕ МОЯ МОЛИТВА

Услышь, мой Бог, с слезами, стонами молящихся
Спасти от бед несущихся, грозящих!
Меня услышь, хоть я молюсь без стонов, слез.
От скорби молкнет стон и сохнут мои слезы.
Скорблю, что в старости мне рок принес
От голода лишь смерти злой угрозы!
Вот моего пути бесславнейший конец!
 О, мой Творец.
<...> Теперь я одинока, сира,
О помощи мне некого просить. О, мой Творец,
Коль я сосуд, в который повеленья
Вложил Ты, Господи, его Ты не развей
 Без сожаленья!
Тобой проложенный мой путь Ты не развей,
Спаси меня, спаси мои творенья
 От расхищенья
И дай мне завершить мои труды,
Спасая жизнь мою от злой беды
Сих дней и от врагов ничтожных.
Пошли на помощь мне не ложных,
 А истинных друзей,
Чтоб скорби, горести моей
Могла б найти я утешенье!
Тебя лишь, Господи, молю я о спасеньи.
Открой Ты для меня теперь сердца людей. <...>

Л. 14–14 об.
23 февраля 1942

В день Красной Армии
хор гражданок квартиры 32 дома 10 пр. Нахимсона

Красная Армия – наша защита,
Наша защита от лютых врагов,
И Ленинградом не будет забыта,

Век не исчезнет из наших умов
Красная Армия...

В Красной той Армии ведь наши дети,
Дети и братья, отцы и мужья,
Лучше, чем Красной той Армии в свете,
Хоть ты ищи – отыскать и нельзя.

Красная Армия – наша защита,
Наша защита от лютых врагов,
И Ленинградом не будет забыта,
Век не исчезнет из наших умов
Красная Армия...

Выступает Соло
Стась Богомолов, родившийся 23 января 1942 г.

Любит ее и вся Родина наша,
Как не любить ее также и мне,
В ней ведь мой папа, в ней дядя Яша,
Думой я полон о них и во сне.

Вариант – примечание суфлера-миротворца:

Красная Армия наша защита!
Но пусть не встретим мы больше врагов,
Вся их вражда к нам пусть будет забыта,
Вся пусть исчезнет из наших умов.

<Тетрадь 3>

Л. 33

1942 Январь

1 мука 1 хлеб 2 хлеб 3 хлеб 4 хлеб 5 Розе 6 хлеб 7 хлеб карт. Му-
ка Розе 5 р.

16.15 Расчет сделан

16 спички мыло 1,20 17, 18 мозольная мазь 2,40 20 сахар
21 масло

22 крупа керосин 50 р. Дрова 50 мясо 27 хлеб Лиза (170)

Л. 34

Февраль

Картошка – 100 Перловка 250 Мясо 260 Лекарство 150 Масло 250

Какао 300 Мясо сахар клюква 560 горох 60 керосин 17 спички

1500

Хлеб до 11 – 374 и до 28 1048 Квартира 30.60 Дрова 50.00

Л. 34 об.

Март

1–6 мясо сахар изюм 4 р. 35 Переписчище 10.00 Спички 10 к. Рис – 1,95

Крупа 42

7 на марки 300 9 масло 100 гр – 260

Мой взнос 400 гр хлеба

кусочек

кусочек

кусочек

16 хлеба 370 гр.

(кус. масла)

в кашку

Л. 35

Апрель

Масло – 260

селедка 140

картошка 80

горох 84

песок 100

мясо 150

дрова 2600

хлеб 748

17 мясо 154

крупа 99

гречн. 80

пост<ное> масло 150

28 провизия 17 – 30

Карточки 80

<Провизия> 1000

5 мая

квартира

горох за мною

взято моих денег 20 р.

Без сахара мы можем обойтись,
 Без лука же, как ни вертись,
 Нет-нет, без лука
 В желудке скука,
 Как, например, в С.С.С.Р
 Бывают рыбы
 Большие глыбы,
 За луком же несись, ищи, авось
 Найдется где лучок. Без лука рыбку брось.
 Без лука кто уху хлебает, да и суп,
 Лишь тот, кто глуп... Селедка
 Без лука то ж, что злая тетка.¹⁴

¹ Аббревиатура в заглавии – О.з.с.ж. – не поддается расшифровке, но на обложке тетради есть запись автора: «Басня из детской жизни Хвастун и Лгун». Басни для детей Гриневская писала в начале 1930-х гг., когда вела детскую театральную студию. Различные варианты басен советского периода сохранились в ее архиве (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 38).

² *Степанова Мария Степановна* – домработница и помощница И. А. Гриневской, жила у нее с конца 1930-х гг. В своем завещании Гриневская все имущество и деньги от продажи архива отдает ей.

³ Владимирский проспект, который одно время назывался Владимирской улицей, в октябре 1918 г. был переименован в пр. Нахимсона; 13 янв. 1944 г. ему было возвращено прежнее название – Владимирский.

⁴ *Класс* – фамилия зам. начальника ПВХО дома № 12 по пр. Нахимсона, эта подпись стоит на пропуске в бомбоубежище.

⁵ Речь идет о статье М. Кропачевой «Против антисемитов – агентов фашизма», опубликованной в «Ленинградской правде» (1941. 25 сент. № 229. С. 2). Главными в ней были следующие строки: «Антисемитизм всегда был в истории оружием реакции и контрреволюции. Фашизм начинается с антисемитизма. <...> Советские люди никогда не станут рабами фашизма! Тот, кто посягает на дружбу народов, посягает на само существо советской власти. Вот почему антисемит – предатель народа. Змеиным ядом антисемитизма не отравить фашистам благородную душу русского народа!».

В течение 1941–1943 гг. советским правительством принимались специальные постановления по борьбе с антисемитизмом и антисоветской пропагандой, так как фашисты с помощью своих агентов и печатных листовок пытались убедить население в том, что война ведется против евреев и коммунистов. Таким образом антисемитская пропаганда становилась антикоммунистической, и партийная власть боялась антисемитских настроений, которые до войны находились лишь на бытовом уровне (подробнее см.: Об антисемитизме в период войны // *Ломогинов Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2004. Кн. 2. С. 127, 223.)

⁶ Упоминаются неустановленные лица.

⁷ «Довольно, господа! Установим мир вместе. Будьте милосердны к настоящему и будущему миллионов людей, для которых цели и причины вашей позорной схватки не имеют смысла» (англ.).

⁸ Речь идет о двух статьях Гриневской, опубликованных в «Петроградской газете» (ее редакция находилась по соседству – в доме 12 на Владимирской ул.). В статье «В хвостах» (1917. 13 июля. № 161. С. 1) автор предлагает продовольствие по карточкам получать через домовые распределительные пункты и кооперативы, т. е. не каждому жителю долго стоять в очереди, а одному ответственному лицу (например, управдому) получать продукты на весь дом.

В следующей статье «Наш хвост» (Петроградская газета. 1917. 22 сент. № 223. С. 4) говорится уже о практической пользе от выступления Гриневской: на углу Стремянной и Владимирской улиц образован Владимирский кооператив, и теперь «известному, точно определенному количеству пайщиков назначены для получения хлеба, а также и для получения иных продуктов свой час, своя очередь». Газетные вырезки с этими статьями сохранились в архиве их автора (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 21, л. 22–23).

⁹ Фрагмент письма П. С. Попкову, полный текст которого также сохранился в архиве Гриневской:

Глубокоуважаемый Товарищ. 20 декабря этого года я позволила себе послать Вам письмо с просьбой помочь мне в моей нужде. К письму была приложена копия Отзыва обо мне, подписанного известными академиками и профессорами с быв. президентом Академии наук во главе А. П. Карпинским. В отзыве говорится о моих литературных заслугах, имеющих государственное значение. На мою просьбу не получила ответа. Не знаю, дошла ли она до Вас. В случае, если она дошла до Вас, считаю нужным тут сказать о себе следующее. В первые давнишние годы разрухи и голода после Октябрьской революции, когда масса интеллигентов покинула наш город, бежав за границу или переезжая в хлебные, более удобные для жизни места, я его не оставила, а всеми силами старалась с не очень многими группами поддержать в нем едва тлеющий очаг культуры.

Вернувшись с концертных поездок, совершенных мною как декламатор с группой музыкантов на двух фронтах до Витебска и до Рыбинска, я стала давать уроки в драматических студиях декламации и практики сцены и читать лекции по истории русского театра, причем ставила с моими учениками спектакли не только в студиях, но и в театрах (в трамвайном парке, в Олимпии).

Ввиду загромождения трамваев публикой я ими пользоваться не могла и в мои студии совершала походы на громадных расстояниях пешком во всякие погоды и по неосвещенным улицам. Деятельность моя длилась до 23–24 года. Хочу надеяться, что Вы, как Председатель Совета нашего славного города, сочтете эту мою деятельность в заслугу и захотите продлить мои дни, дав мне возможность получить бытовую помощь, которую я могла бы оплатить более значительным пайком, а также дать мне возможность получить для моего очага топливо, без которого могу погибнуть. А в помещении моем находится мой архив, который, как утверждается в прилагаемой копии Справки, представляет собою большую культурную ценность, следовательно, имеет государственный интерес, подлежащий охране от могущих расхитителей, и я являюсь теперь не только работником над этим архивом, но и зорким его хранителем. За все последние годы я посылала труды над архивом в виде очерков в Гослитмузей Москвы, за которые я получала плату. Последний труд мой послан 21 июня 1942 г. (это описка, имеется в виду 1941 г. – Е. В.).

Я позволю себе довести до Вашего сведения еще о следующем – что, смею думать, Вы сочтете за заслугу по отношению к управляемому Вами городу Ленина. В упомянутые годы голода и разрухи я, напечатав в популярной газете статью «Хвосты» (так назывались очереди), в которой говорилось о вреде их для государства, я создала уполномоченных тогда еще Владимирской улицы (ныне пр. Нахимсона) и по моей инициативе и при моем содействии был создан «1-й кооператив исключительно Владимирской улицы». Благодаря предложенному мной способу распределения продуктов никаких «хвостов» не было, о чем я оповестила в газете статьей под шуточным заглавием «Наш хвост». Между прочим, способ этот можно было бы применить и теперь во многих случаях. С глубоким почтением

И. Гринеvская. 27 января 1942 г.

пр. Нахимсона д. 10, кв. 32

Изабелла Аркадьевна Гринеvская (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 66, л. 76–77).

Сохранилась и одна из справок о дровах, «Копия справки домхоза»:

Выдано гр-ке Гринеvской И. А., персональной пенсионерке, за литературные заслуги. Писатель и поэт, проживающий в д. № 10 кв. 32 по пр. Нахимсона, в которой помещается архив, признанный важным в государственном значении, над которой сама работает и охраняет – лишена дров, и д/х 197 не имеет возможности предоставить талон на дрова из-за отсутствия талонов на дрова. Талона на дрова не выдавал.

Управхоз 26.III.42 г. (Там же, № 67, л. 83).

¹⁰ Помета Гринеvской. Запись письма обрывается, но в архиве писательницы сохранились черновики ее обращений к Жданову. В них нет никаких подтверждений тому, что приходил какой-то человек по указанию А. А. Жданова. Возможно, это был визит служащего НКВД в связи с ее письмом в Иран. Во всяком случае, в архиве остались только те обращения к Жданову, которые писались позже упомянутого визита, последнее – 25 апр. 1942 г. с мольбой заменить вторую категорию пайка на первую:

«Глубокоуважаемый товарищ Жданов.

Хотя Вы теперь обременены небывало большими, великого значения делами, но для избранного судьбой выдающегося лица нести бремя больших дел – нет малых дел, которые ведь являются частицами этих больших дел, нередко существенными, значение которых обнаруживается не сразу, а впоследствии. Вот почему я позволяю себе беспокоить Вас теперь собой, этой весьма малой частицей великого дела культуры, одного из дел, обременяющих Вас теперь и которые Вы всегда считали нужным и возможным охранять и поддерживать его процветание, защищая интересы и жизни его составляющих частиц. Я говорю здесь об одной из этих частиц, о себе. <...> Я голодаю и не получаю никакой поддержки от наших учреждений. Я голодаю, ибо из моего пайка II категории я принуждена уделять хлеб за бытовые услуги, без которых по моему возрасту и слабому здоровью обойтись совсем не могу, без этой помощи я бы уже давно погибла. Глубокоуважаемый товарищ Жданов, взываю к Вам о помощи, и могла бы даже сказать, о скорой, чтобы мне не умереть от голода, чтобы мне не пришлось воскликнуть, как сказано в моем последнем стихотворении: „Вот моего пути бесславнейший конец!“. Умоляю Вас назначить мне I-ую категорию, которую Вы бы мне назначили даже за мои заслуги как общественника <...> С истинным глубоким уважением Изабелла Гринеvская» (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 66, 80–82).

¹¹ Это конец письма Гринеvской в Иран. Его адресат – персидский принц Джагмбони, давний ее знакомый из Ирана, который учился в Петербурге в артиллерий-

ском училище. С ним она дружила и после его отъезда переписывалась вплоть до начала 1930-х гг. Приводим часть текста этого письма ниже.

17 декабря 1941 г.

Ленинград, пр. Нахимсона, д. 10, кв. 32

Изабелла Аркадьевна Гриневская

Дорогой друг,

Пишу Вам после долгого молчания, дорогой мой друг. Не писала Вам по причинам, о которых в эти дни переживаемой нашей страной войны напрасно и тяжело говорить. Вы, конечно, верите, что я не переставала думать о Вас. Есть дружеские связи, никогда не забываемые. Перечитываю часто и со слезами подаренные Вами мне Ваши строки Ваших воспоминаний, подаренные мне в награду за мои сочинения «Баб» и «Беха Улла», говорившие столь много Вашему большому уму и благородному, любящему Вашу родину сердцу. <...> Вот теперь, дорогой друг, автор этих книг нуждается в самом важном для поддержания жизни, а именно в хлебе, продуктах питания, и не потому, что государство мое не дает мне для этого средств, а потому, что враг обложил наш город.

В эту очень тяжелую минуту я все-таки думаю, что если бы из Москвы Иранское посольство захотело мне кое-что доставить, это могло бы меня спасти от преждевременной гибели. А у меня есть еще что сказать важное и о Вашей стране, которую я так хорошо поняла и полюбила, и сказано уже, но не издано в моем «Путешествии в Края Солнца».

Не можете ли просить об этом Ваше посольство по телеграфу?

Я уверена, если только Вы здоровы, Вы сделаете все, чтобы поддержать мою жизнь.

Всегда высоко ценивший и сердечно любивший Вас друг

Изабелла Гриневская. <...> (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 109).

Письмо задержали, о чем свидетельствует письмо востоковеда И. Ю. Крачковского Гриневской от 2 янв. 1942 г. (ему Гриневская также написала с просьбой посодействовать отправке ее письма в Иран). В своем письме академик вежливо сообщает о том, что спецотдел Академии наук считает нежелательным получение такой посылки (РО ИРЛИ, ф.55, оп.2, № 704). Вероятно, он не мог откровенно сказать, что об отправке письма в Иран, принявший сторону Германии, не могло быть и речи, тем более с просьбой о помощи.

¹² Эти молитвы написаны очень бледными чернилами, с трудом читаются, написаны не Гриневской, а неизвестным лицом.

¹³ Из этих записей мы видим, что хлеб в октябре 1941 г. покупался 5 раз, даже подавался бедным. Цифры – цены продуктов, в которых автор дневника не всегда отделял сотые доли, т. е., вероятно, здесь следует читать 100 как 10,0 руб. В дальнейших записях цифры действительно могут быть очень большими: люди покупали продукты на рынке, продавая или выменивая на них какие-то вещи.

¹⁴ Стихотворение написано на клочке бумаги и вложено в тетрадь, не датировано.